

ЗАКОНЫ ВРЕМЕНИ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

К ВЫХОДУ В СВЕТ «ДОСОК СУДЬБЫ»

Хлебников озадачивает и завораживает.

«Мы чаруемся и чураемся».

Почему Хлебников кажется непонятным? – Быть может, из-за его чрезвычайно разносторонней образованности. Он всегда знает то самое важное, что следует знать о каждой вещи. К тому же, он систематически уничтожает указания на богатейшие контексты осмысления своих текстов.

Хлебников принадлежит к тому типу культуры, в котором науки, искусства, религия, философия, мораль, право и проч., которые в европейской культуре нескольких последних столетий числятся по разным департаментам, – ощущаются и осмысляются интегрально и не могут выступать изолированно и автономно. Хлебников – цельная личность в нашем расколотом и все более специализирующемся мире.

Хлебников видит сразу, одновременно, все грани и все стадии жизни своего предмета – вот точно так же и Гёте рассуждал о «Метаморфозе растения». Текст Хлебникова существенно многомерен, а нам-то привычен одномерный текст: текст – строка – нить.

Начиная приблизительно с 1962-го (когда в Калифорнии вышла в свет монография В.Ф. Маркова о больших поэмах Велимира Хлебникова), в мировой руссике и славистике интерес к творчеству Велимира-Виктора Хлебникова-Зангези остается постоянным. Беглого взгляда на накопившуюся в результате этого интереса сумму литературы достаточно, чтобы заключить о значимом зиянии в корпусе текстов Хлебникова, доступного читателю и вовлеченного в научный обиход. От чего бы ни отталкивался исследователь или почитатель Хлебникова, он неизбежно приходит к выводу, не обязательно явно высказанному, что для более адекватной трактовки любой конкретной темы, любого крупного произведения следует познакомиться с законами времени и «Досками Судьбы».

Возьмем для примера какой-либо фрагмент, из пятитомника или архивных рукописей. Вот как раз попалась очаровательная вещица, из тетради «Мой Коран».

Три в пятой, три в пятой, три в пятой
Смертью платят за долг, через 3^5 дней
Из кошелька жизни должник платит заимодавцу червонцем смерти
Через 3^5 день.
Я должен тебе, о Рок,
Вот деньга моей жизни,
Пятак или рубль. – Бери.
Я честен. Я умер.
Можно ли плутовать в этих вопросах.
Сдвиг человека к главным осям
Мирромаха.
Слава черным капитулам,
Слава юности, шагающей через грани нравов.

«Капитул», кому нужно, найдет в БСЭ, если нет под рукой Брокгауза. А что делать с «три в пятой»?

“Это поймет только тот, кто знает, в чем дело”, говорит комический педант в одном старом водевиле, заканчивая длинную свою тираду; но в сущности все, что мы говорим, нуждается в слушателе, понимающем “в чем дело”.

Поздней осенью 1986-го, за 64 дня (два в шестой), я прочел рукописи «Досок Судьбы», в том виде, как Хлебников подготовил их к печати в 1922-м, расшифровал менее ясные части текста, пересчитал все уравнения. Корпус «Досок» я сопровождал – помимо краткого комментария, приложений, тетрадки иллюстраций – очерком, чтобы пояснить: “в чем дело”. В нем рассказано, на какие послания откликнулась душа Хлебникова при составлении «Досок Судьбы». Среди них важное место занимают обсуждения естественнонаучных и математических проблем, древних и современных. *Ухо словесника* следует настроить на восприятие этого круга вопросов, чтобы достойно ответить на вызов Хлебникова.

Из этого очерка приведем здесь несколько фрагментов, с целью обратить внимание читателей на тот факт, что творчество Хлебникова, где события Вселенной и истории человечества сплетены с событиями дня, объединяет классический стих и лингвистические эксперименты с древней и новой математикой, с современным ему *новым естествознанием* начала века: общей и специальной относительностью, квантовой механикой, генетикой, космогонией.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ. ПОСВЯЩЕНИЕ И ОБЕТ

«Принадлежу к месту Встречи Волги и Каспия моря»

Виктор Владимирович Хлебников «Родился 28 октября 1885 в стане монгольских исповедующих Будду кочевников – имя “Ханская Ставка”, в степи – высохшем дне исчезающего Каспийского моря (море 40 имен)».

Меня окружали степь, цветы, ревучие верблюды,
Круглообразные кибитки,
Моря овец, чьи лица однообразно-худы,
Огнем крыла пестрящие простор удоды,
Пустыни неба гордые пожитки,
Так дни текли, за ними годы.
Отец, далеких гроза сайгаков,
Стяжал благодарность калмыков...

Отец, Владимир Алексеевич, натуралист-орнитолог, служил тогда попечителем Малодербетовского округа. Он серьезно занимался обычаями и историей Астраханских калмыков, и неудивительно, что Хлебников с детства знал о *зурхачин моди* – калмыцких (собственно, тибетских) *досках судьбы*.

«Зурхачи» (астрологи) прилагали свое мастерство в двух областях. «1) Математическая область: вычисление времени. У калмыков нет постоянного календаря, и поэтому все календарные сведения добываются, по мере надобности, каждым зурхачи отдельно. 2) Гаданье о счастье, здоровье и будущем спасении людей, о благоприятных и пагубных обстоятельствах жизни и проч.», – писал в 1893 Иродион Житецкий. – «У каждого зурхачи, как необходимая принадлежность его специальности, кроме рукописей, есть еще доска для вычислений и особенная таблица, под именем “тан-шим”, в которой сгруппированы все данные для предсказаний. Доска зурхачи делается из крепкого дерева и имеет около 1¼ аршина длины и вершков 6 ширины [то есть, около 90 на 27 см – В.Б.]; сверху середина выдолблена в палец глубины, так что ее окружает род маленького валика. Зурхачи пишет на ней заостренной палочкой, насыпая предварительно мелкой пыли. Прежде чем начать писать, каждый раз зурхачи совершает символическую молитву – ставит и стирает ряд особых знаков по разным направлениям доски».

Обет: найти оправдание смертям

На 1903–1905 годы приходится события, определившие судьбу Хлебникова. В 1903 он поступил на математическое отделение Физмата Казанского университета. В годовщину университета, 5 ноября, произошла неразрешенная студенческая демонстрация. По позднейшим воспоминаниям матери, отец пошел и уговаривал Витю уйти, но он не ушел. На улицу двинулась конная полиция, но он не бежал, а остался. “Надо же было кому-нибудь и отвечать”, – объяснял он потом.

Кони, готовые растоптать его, в последний миг остановились.

Потом был месяц тюрьмы. После тюрьмы он совершенно изменился.

18-летним юношей Хлебников пишет завещание («Пусть на могильной плите прочтут ...»), где излагает, как итог жизни, программу будущих дел. В разделе «О пяти и более чувств» завещания Хлебников рассказывает, как после этих потрясений изменилась его психофизиология:

Пять ликов, их пять, но мало. Отчего не: одно оно, но велико?

Узор точек, когда ты заполнишь белеющие пространства, когда населишь пустующие пустыри?

[...] То есть, как треугольник, круг, восьмиугольник суть части плоскости, так и наши слуховые, зрительные, вкусовые, обонятельные ощущения суть части, случайные обмолвки этого одного великого, протяженного многообразия.

Оно подняло львиную голову и смотрит на нас, но уста его сомкнуты.

[...] Так есть величины, с изменением которых синий цвет василька (я беру чистое ощущение), непрерывно изменяясь, проходя через неведомые нам, людям, области разрыва, превратится в звук кукования кукушки или в плач ребенка, станет им.

[...] Осветило ли хоть раз ум смертного такое многообразие, сверкнув, как молния соединяет две надувшиеся тучи, соединив два ряда переживаний в воспаленном сознании больного мозга.

Может быть, в предсмертный миг, когда все торопится, все в паническом страхе спасается бегством, спешит, прыгает через перегородки, не надеясь спасти целого, совокупности многих личных жизней, но заботясь только о своей, [...] может быть, в этот предсмертный миг в голове всякого с страшной быстротой происходит такое заполнение разрывов и рвов, нарушение форм и установленных границ.

В апреле 1904 г. пришло известие о бессмысленной смерти людей при гибели броненосца «Петропавловск» в Японской войне; в феврале и мае 1905 – о множестве смертей при

Мукдене и Цусиме. Потребность *отвечать*, проявившаяся в студенческих беспорядках, теперь стала ответственностью за смерти. На Троицу 1905 года Хлебников записал на коре березы обещание найти оправдание смертям:

Слушай! Когда многие умерли
В глубине большой воды
И родине ржаных полей
Некому было писать писем,
Я дал обещание,
Я нацарапал на синей коре
Болотной березы
Взятые из летописи
Имена судов,
На голубоватой коре
Начертил тела и трубы, волны, –
Кудесник, я хитр, –
И ввел в бой далекое море
И родную березу и болотце.
Что сильнее: простодушная береза,
Или ярость железного моря?
Я дал обещанье всё понять,
Чтобы простить всем и всё
И научить их этому

В мистерии «Ка²» Хлебников говорит о содержании обретенной жизненной задачи:

Я участвовал в большой битве мертвецов пространства и войск времялюда; время
юношей и три осады занимали мой мозг.

Башня толп, башня времени, башня слова.

В другой мистерии, «Скуфья Скифа», он повторяет:

Я помнил слова седого жреца: “У вас три осады: осада времени, слова и множеств”.

Хлебников ни на миг не оставляет свою тройную задачу, то есть не памятью помнит, а непрерывно занимается ее разрешением. “Осада слова” нашла разрешение в корнесловии и звездном языке. “Осада времени” и “осада множеств” вылились в открытие законов времени, которым посвящены «Доски Судьбы».

Я нашел истины величавые и прямые,
И они как великие боги вошли в храмы

И сказали мне: “Здравствуй!”, протянув простодушные руки...

[...]

Мой разум точный до одной энной,

Как уголь сердца, я вложил в мертвого пророка вселенной,

Дыханием груди вселенной,

И понял вдруг: нет времени.

На крыльях поднят как орел, я видел сразу, что было и что будет,

Пружины троек видел я и двоек

В железном чучеле миров,

Упругий говор чисел.

И стало ясно мне

Что будет позже.

И улыбался улыбкой Будды,

И вдруг застонал, увидев молнии и подымая руку

И пена пошла из уст и...растерзал меня.

Хлебниковский «Мой разум» повторяет, с частичными зеркальными отражениями, структуру трех стихов из книги пророка Исаии (6, 5–7). Этой структуре следует Пушкинский «Пророк» (1826):

И он мне грудь рассек мечом,

И сердце трепетное вынул

И уголь, пылающий огнем,

Во грудь отверстую вдвинул.

О. Сергей Булгаков утверждал, что Пушкин «описывает то, что с ним самим было, т.е. данное ему видение божественного мира под покровом вещества». Он трактует это как мистическую смерть и высшее посвящение.

Хлебников, по воспоминаниям собеседника, говорил: «Кеплер писал, что он слушает музыку небесных сфер. Я тоже слушаю эту музыку, и это началось еще в 1905 году. Я ощущаю пенье вселенной не только ушами, но и глазами, разумом и всем телом».

На Троицу 1905 Хлебников, теперь студент естественного отделения, был в натуралистической экспедиции на Урале. В 1908 он перевелся в Санкт-Петербургский университет. Осенью 1909 он перешел на Факультет восточных языков по разряду санскритской словесности, а затем на славяно-русское отделение Историко-филологического факультета. К тому времени, как в 1911 его отчислили, Хлебников уже год собирался выйти из университета: он делил время между Академией стиха и занятиями числами. «Работая

целыми днями над изысканиями чисел в Публичной библиотеке, Хлебников забывал пить и есть и возвращался измученный, серый от усталости и голода, в глубокой сосредоточенности. Его с трудом можно было оторвать от вычислений и посадить за стол».

НАУКА И ПОЭЗИЯ: ЕДИНСТВО МИФОЛОГИИ

Наука (поэзия и проч.), реально творимая живыми людьми в определенную эпоху, опирается на нечто, вне науки находящееся, – на жизненное отношение к окружающему, свойственное времени и месту. Ибо научное исследование возможно, когда объяснение идет не дальше некоего уровня представлений, принимаемого научным сообществом как данное, – научной мифологии.

Хлебников – с одной стороны, Вавилов, Планк, Эйнштейн – с другой, питались одной и той же мифологией, почерпая из нее исходные интуиции. Коснуться некоторых концепций нового естествознания начала века полезно, чтобы расширить круг ассоциаций для более полного понимания Хлебникова. Ведь Хлебников обладал серьезными познаниями во множестве областей, он знал обо всех вещах именно то, что нужно знать, и последовательно уничтожал указатели на контекст истолкования. Вообще же его творчество ориентировано не на анализ, не на истолкования, но на мгновенное постижение-озарение: сразу и во всей полноте. – Сказывают, что и Моцарту «чудится, что он слышит всю симфонию от начала до конца сразу, одновременно, в один миг!»

«Человек есть местовременная точка»

Хлебниковское понимание пространства и времени резко расходится с классическими представлениями и близко так называемому новому естествознанию. «Человек есть местовременная точка», – так Хлебников выражает единство пространства-времени. Время имеет субъективное значение для мыслящей личности: «Жизнь есть частное числа дел и количества времени». В отождествлении времени-длени с жизнью – основа привлекательности Хлебниковского понимания времени: «Заря будущего мирно пасется рядом с тенями прошлого». Все это указывает на серьезные разногласия Хлебниковского понимания оформленного, оживленного, одухотворенного времени-пространства с Ньютонским пониманием голого пространства и мертвого времени.

Хлебников высоко ценил специальную теорию относительности Германа Минковского:

Воин! Ты вырвал у небес кий,

И бросил шар земли...
И новый Ян Собесский
Выбросил: пли!
Тому, кто
Уравнение Минковского
На шлеме сером начертал,
И песнезovem Маяковского
На небе черном проблистал.

Минковский показал связь места и времени. Согласно *мировому постулату* («мир» – то же, что «хронотоп»), все законы природы инвариантны относительно преобразований, оставляющих неизменной функцию $x^2+y^2+z^2-c^2t$. Введя $\tau = ict$ ($i = \sqrt{-1}$), Минковский получил уравнение: $3 \cdot 10^5 \text{ км} = \sqrt{-1} \text{ сек}$, т.е. 300 000 км как одна (световая) секунда. На серый шлем, доставшийся от запасов империалистической войны, красногвардейцы нашивали матерчатую пятиугольную звезду. Пентаграмма, символ Пифагорейского братства, замечательная фигура: с ней связано золотое сечение; ее пятеричная симметрия невозможна у правильных кристаллов, зато характерна для живых структур (морские звезды, пятипалая конечность и пр.). Символически пентаграмма эквивалентна изображению св. Георгия, попирающего змия, поэтому звезда Героя Советского Союза имела тот же смысл, что и знак Ордена Подвязки. Металлическую звездочку, с *плугом и молотом*, символом единства пространства и времени, поначалу получили избранные части: политотделы, чека. Хлебников видел эту звездочку, когда «Чека за 40 верст позвала меня на допрос...»

Из уравнения Минковского следует, что мнимая единица, постоянный персонаж Хлебникова, позволяет о явлениях *времени* говорить словами *места*. Из мистерии «Ка²»:

Конечно, даже вы допустите, что может быть человек и еще человек, положительное число людей. Два. Но знаете, что когда кого-нибудь нет, но его ждут, то он не только [не] увеличивает на единицу число вещественных людей, его не только нет, но он и отрицательный человек? И что по воззрениям иных мы переживаем столетия [кусты миггов] отрицательного пришельца с терновником в руке...

А вы знаете, что природа чисел та, что там, где есть да числа и нет числа (положительные и отрицательные существа), там есть и мнимые ($\sqrt{-1}$)?

Вот почему я настойчиво хотел увидеть $\sqrt{-1}$ из человека и единицу, деленную на человека. И его лицо преследовало меня всюду в шуме улиц.

Впрочем, скоро я понял, что если любимый, ожидаемый, но отсутствующий человек отрицательное существо, то каждое враждебное постороннее собранию (не присутствующее в нем) будет $\sqrt{-1}$, существом мнимым.

«Голова Вселенной»

В 1922 г. молодой русский физик Александр Фридман выдвинул представление о нестационарной Вселенной как основе математической модели космогонии (эта модель обсуждалась уже после смерти Хлебникова).

Нестационарная модель оказалась тогда делом неловким: допуская, что Вселенная подвержена изменениям, мы неизбежно приходим к выводу, что у нее будет конец и было начало, то есть, к идее Творца. Впрочем, идея пульсаций Вселенной давно уже никого не смущает; на ней основаны представления о первичном раздувании Вселенной и Большом Взрыве – «каменеющий крик» Хлебникова; порой речь идет о последовательности взрывов, «крик за криком». Сжатие и схлопывание Вселенной начинают *ночь Браммы*, когда времени больше не будет. Ночь проходит, перед зарей дня и новым возникновением времени «вся вселенная была широко раскрытый клюв ворона». – В космогонических мифах первый символ – яйцо или голова, окруженная тьмой, отсюда ворон. Ной послал ворона после потопа, тот не вернулся в ковчег. По сакральному чтению Писания, тогда началось создание Вселенной: ворон – это голова Вселенной, где творятся боги, небеса, земля. Отсюда название вещи Хлебникова: «Голова Вселенной».

Рассмотрим стихотворение, чрезвычайно богатое очевидными отсылками к различным контекстам осмысления, которое может служить примером Хлебниковского *гипертекста*.

Мысль о пульсации Вселенной, среди прочих, Хлебников разъяснял весной 1920-го в Харькове А.Н. Андриевскому. Научные монологи перемежались репликами о стихах; на собеседника особенное впечатление произвело «Ты же, чей разум...» из свежего сборника «Пути Творчества» (Харьков, 1919):

Ты же, чей разум стекал,
Как седой водопад,
На пастушеский быт первой древности,
Кого числам внимал
И послушно скакал
Очарованный гад в кольцах ревности,
И змея плененного пляска и корчи,

И кольца, и свист, и шипение,
Кого заставляли все зорче и зорче
Шиповники солнц понимать точно пение,
Кто череп, рожденный отцом,
Буравчиком спокойно пробуравил,
И в скважину надменно вставил
Росистую ветку Млечного Пути,
Чтоб щеголем в гости идти,
В чьем черепе, точно стакане,
Была росистая ветка черных небес,
И звезды несут вдохновенные дани
Ему, пронизавшему полночи лес.

Хлебников, записав вариант для Андриевского, заметил:

Самая важная в нем строчка – это «шиповники солнц понимать словно пение». В ней в самой краткой форме я утверждаю свою убежденность в пульсации всех отдельностей мироздания и их сообществ. Пульсируют солнца, пульсируют сообщества звезд, пульсируют атомы, их ядра и электронная оболочка, а также каждый входящий в нее электрон. Но такт пульсации нашей галактики так велик, что нет возможности ее измерить. Никто не может обнаружить начало этого такта и быть свидетелем его конца. А такт пульсации электрона так мал, что никакими ныне существующими приборами не может быть измерен. Когда в итоге остроумного эксперимента этот такт будет обнаружен, кто-нибудь по ошибке припишет электрону волновую природу. Так возникнет теория лучей вещества.

Тогда же Хлебников сказал, что он слушает музыку сфер. Закончим стихотворение – эта «гордая, полная вызова и веры в победу» вещь написана «7.XII.1917»:

Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки,
– Мой перстень неслыханных чар –
Тебе говорю: Ты!
Ты вспыхнул среди темноты.
Так я кричу, крик за криком,
И на моем каменеющем крике
Ворон священный и дикий
Совет гнездо и вырастут ворона дети,

А на руке, протянутой к звездам,
Проползет улитка столетий!
Блаженна стрекоза, разбитая грозой,
Когда она прячется на нижней стороне
Древесного листа.
Блажен земной шар, когда он блестит
На мизинце моей руки!

Это космогоническое стихотворение дает также очень точное описание, с психофизиологической стороны, пробуждения Кундалини. В нижней части позвоночника расположен четырехлепестный «корневой чакрам» – *Мула чакра*. Здесь обитает творческая змеиная сила *Кундалини* (форма *шакти*, имманентная человеческому телу). Кундалини находится в спящем состоянии у обычных людей. В результате аскетических подвигов или по иным причинам змеиная сила пробуждается и ползет вверх по системе чакрам, стремясь сперва к области «третьего глаза», то есть к 6-му двулепестному чакраму, *Аджна*. Эта стадия соответствует возврату в первозданное состояние, «пастушеский быт первой древности», когда человек вновь обретает чувство вечности, чем достигает потенциального бессмертия. Вплоть до этой стадии сохраняется человеческое состояние. Седьмой чакрам, тысячелепестный *Сахасрара*, соответствует головному мозгу; это местопребывание Атмана, сюда, к нему, как к своему супругу, поднимается Кундалини. Момент встречи восходящего тока сущимны с солнечным лучом – «и в скважину надменно...» – знаменует подлинный переход к высшим состояниям бытия.

«Если я Парсифаль», – писал Хлебников в дневнике, – «то искупление было 19 сентября 1914 г. в финской лавке обуви, где синеглазая финка быстро села на колени и быстрым проворным движением завязала мне обувь и чело темное ее просило поцелуя. Точно я Иисус Христос». В жизненной ситуации Хлебников увидел отражение символической картины: в храме на вершине Монсальвата – горы Спасения – Парсифаль держит священное копьё с постоянно стекающей кровью и обретенную чашу Грааля; боготворит святые реликвии коленопреклоненная Кундри, освобожденная из замка чародея Клингзора. Символизм проясняется аналогией с человеческим телом: Монсальват – тело человека; храм – мозг, точнее, Сахасрара; копьё – позвоночник, его наконечник и чаша – шишковидная железа и гипофиз; Кундри – это Кундалини.

«Я умер и засмеялся»

Мнимая единица $i = \sqrt{-1}$ связана у Хлебникова со специальной теорией относительности, давшей предельную мировую скорость. Общую теорию относительности символизирует новая геометрия – «знамя Лобачевского логов»:

Перед закатом в Кисловодск
Я помню лик, суровый и угрюмый,
Запятан в воротник:
То Лобачевский – ты,
Суровый Числоводск.
Для нас священо это имя.
«Мир с непоперечными кривыми»
Во дни «давно» и весел
Сел в первые ряды кресел
Думы моей,
Чей занавес уже поднят.

Из ОТО возьмем тему: Анри Пуанкаре против Альберта Эйнштейна. Пуанкаре рассуждал так. Астрономические наблюдения позволят решить вопрос, истинна ли геометрия Лобачевского (или Римана). Но то, что мы называем прямой линией в геометрии, это просто путь светового луча. Тогда, если, скажем, истинна не-Евклидова геометрия, то нам остается выбор между двумя возможностями. Мы могли бы: 1) отказаться от Евклидовой геометрии. Или же, мы могли бы: 2) принять другие законы оптики и допустить, что свет не распространяется точно по прямой линии. (При измерениях мы должны также добавить новые законы, устанавливающие, что все твердые тела подвергаются некоторым сокращениям и расширениям.) Пуанкаре предпочел вторую возможность, а Эйнштейн ее исключил – ради простоты системы физики.

Взглянем на Алису и Гулливера из общеизвестных трактатов по относительности. Алиса все время изменялась в росте, делаясь то больше, то уменьшаясь до таких ничтожных размеров, что почти совсем исчезала. Гулливер оставался все время одного роста, но в одном путешествии встретил породу людей и вещей ничтожно малой величины, в другом попал в страну, где все было гигантским. В обоих случаях дело идет о том же самом. Но Льюис Кэрролл принял обычную для ума ученого точку зрения – что изменяется наблюдатель. Свифт, напротив, стал на точку зрения человеческого ума, когда он заставляет Гулливера приписывать свои собственные изменения – изменениям вещей. Но обе точки зрения являются законными.

Какова основа для выбора Евклидовой или не-Евклидовой структуры физического пространства? Удобно избежать поправочных коэффициентов. Определяем единицу длины как длину изменяющегося стержня – независимо от температуры, магнитных и упругих сил, сильной или слабой гравитации. Логических противоречий в этом нет, но этот выбор приводит физика к довольно сложной картине мира: всякий раз, как пламя подносится к стержню – все другие предметы в космосе, включая удаленные галактики, немедленно сжимаются. Для Эйнштейна такая плата была велика и выбор нецелесообразен.

Читателю предлагается решить, на каких физических реалиях (или математических?) основана тема рукописного фрагмента Хлебникова:

Я умер и засмеялся
просто большое стало малым,
малое большим
просто во всех членах уравнения Мира
знак да заменен
знаком нет.
Таинственная нить уводила меня
в мир бытия и я узнавал
вселенную внутри моего кровавого шарика.

«Осада слова»

В рибосомальной фабрике клетки иРНК, синтезированная на матрице ДНК, собирает молекулы белка, которые объединяются в живую ткань.

Слово – человеческое и генетическое – самодостаточно:

Слово – пальцы; Слово – лен; Слово – ткань.

Типы Хлебниковского словотворчества описывают все мыслимые типы генетических мутаций –

По-видимому, язык также мудр, как и природа, и мы только с ростом науки учимся читать его,

– и тексты Хлебникова пора бы включать в учебники генетики. Наталья Перцова собрала более 6000 слов, классифицировав их по типам, в «Словаре неологизмов Велимира Хлебникова» (1995).

Вы помните, какую иногда свободу от данного мира дает опечатка. Такая опечатка, рожденная несознанной волей наборщика, вдруг дает смысл целой вещи и есть один

из видов соборного творчества и поэтому может быть приветствуема, как желанная помощь художнику.

Слово цветы позволяет построить мветы, сильное неожиданностью. Моложава, моложавый дает слово хорошава, “хорошава весны”, “эта осень опять холожава”. [Борозда,] праздник; морозда, мразник. Если есть звезды, могут быть мнезды. “И мнезды меня озаряют”. Чудо и чудеса дают слово худеса, времеса, судеса, инеса. “Но врачесо замирной воли... и инеса седых времен и тихеса – в них тонет поле – и собеса моих имен”. Так инесо вторгалось в трудеса. Полон строит молон. Подобно слову лихачи, воины могут иметь имя: мечачи. Трудавец, груздь, трусть.

Словотворчество – враг книжного окаменения языка, и, опираясь на то, что в деревне около рек и лесов до сих пор язык творится, каждое мгновение создавая слова, которые то умирают, то получают право бессмертия, переносит это право в жизнь писем.

Последний абзац фрагмента указывает, что «Стихи должны строиться по законам Дарвина». Однако все новшества – опечатки, мутации генов – возможны лишь под защитой от бремени Дарвинова отбора: «самовитое слово вне быта и жизненных польз».

Сусуму Оно объяснил возникновение крупного класса эволюционной изменчивости в книге 1970 года «Эволюция путем дупликаций генов». (Подобную не-Дарвиновскую гипотезу еще в начале 1930-х высказал Николай Кольцов.) Около 95% генов любого организма не работает. «Спящие» или «молчащие» гены образуются за счет многократных дупликаций работающих генов. Поскольку они вне контроля отбора, то в чреде поколений в них накапливаются мутации (опечатки), изменяющие генетический текст. Порой эти гены просыпаются; большая часть их – уродцы на миг; но некоторые, связанные с переключением канализованных путей развития, могут быть подхвачены процессом эволюции и «получают право бессмертия»:

Словотворчество есть взрыв языкового молчания, глухонемых пластов языка.

«Осада множеств»

В 1920 году Николай Вавилов *Законом гомологической изменчивости* утвердил «меру, порядок и стройность» живого мира – а заодно обесценил представление Дарвинизма XIX века о совершенно случайном, неупорядоченном характере изменчивости. Многообразие генов и признаков в различных видах, родах и семействах повторяют друг друга, поэтому *Гомологические ряды* Вавилова позволяют предсказывать существование форм, наделенных

определенными признаками. «Явления мимикрии, подражание одних видов и родов другим в форме и окраске» – следствие «общей для организованного мира повторности форм изменчивости». Понятие гомологических рядов, писал Вавилов, «по своей сути является только развитием основного понятия «Метаморфоза растений» Гёте, понятия единицы в множестве Дрессера».

Найти, не разрывая круга корней, волшебный камень превращения всех славянских слов одно в другое – свободно плавить славянские слова, вот мое первое отношение к слову. Это самовитое слово вне быта и жизненных польз. Увидя, что корни лишь призрак, за которым стоят струны азбуки, найти единство вообще мировых языков, построенное из единиц азбуки – мое второе отношение к слову. Путь к мировому заумному языку.

Так Вавилов построил представление о *гамме изменчивости* – аналоге *дискретного спектра* энергетических уровней квантовой физики.

«Осада времени»

В конце века космология начинает смыкаться с изучением элементарных частиц, например, в случае полужамкнутых вселенных с квантовым поведением, – такие объекты называются «фридмоны».

Моделью теории единого поля, к которой стремился Эйнштейн, служат чистые законы времени. «Атомная бомба – разорвана!» – воскликнул Хлебников по случаю вывода изящной формулы, связавшей удар волны света, сутки Сатурна и Юпитера, порог простой реакции человека.

Теоретическая часть работы с элементарными частицами, связанная с законами сохранения, включая *теорию суперструн* (струны и брэйн), имеет тенденцию превратиться в общую *теорию симметрии*, – гимны ее величию мы находим везде у Хлебникова, в каждом произведении.

Гамма будетлянина из «Нашей основы» дает параллель идеям новой физики – и, пожалуй, предвидение ее развития.

Мы знаем про гаммы индусскую, китайскую, эллинскую.

Присущее каждому из этих народов свое понимание звуковой красоты особым звукорядом соединяет колебание струн. Все же богом каждого звукоряда было число. Гамма будетлянина особым звукорядом соединяет и великие колебания человечества, вызывающие войны, и удары отдельного человеческого сердца. Если

понимать все человечество как струну, то более настойчивое изучение дает время в 317 лет между двумя ударами струны.

[...] 317 лет – не призрак, выдуманный больным воображением и не бред, но такая же весомость, как год, сутки земли, сутки солнца.

Гамма состоит из следующих звеньев: 317 дней, сутки, 237 секунд, шаг пехотинца или удар сердца, равный ему во времени, одно колебание струны A и колебание самого низкого звука азбуки – $У$.

[...] Эта гамма сковывает в один звукоряд войны, года, сутки, шаги, удары сердца, то есть вводит нас в великое звуковое искусство будущего.

[...] Если взять ряд 133225 лет для колебаний материков, понимаемых как плоские струны, 317 лет для колебаний струны войн, год [и] 317 дней для жизни памяти и чувств суток, 237 секунд, $1/80$ и $1/70$ часть минуты, и $1/439$ и $1/426$ части секунды, то перед нами будет цепь времен, $a_1, a_2, a_3, a_4, \dots, a_{n-1}, a_n$, связанный по такому закону: a_n в 365 или в 317 раз менее a_{n-1} . Этот ряд убывающих времен и есть гамма будетлянина.

Вообразите парня с острым беспокойным взглядом, в руках у него что-то вроде балалайки со струнами. Он играет. Звучание одной струны вызывает сдвиги человечества через 317. Звучание другой – шаги и удары сердца, третья – главная ось звукового мира. Перед вами будетлянин со своей “балалайкой”. На ней прикованный к струнам трепещет призрак человечества. А будетлянин играет: и ему кажется, что вражду стран можно заменить ворожкой струн.

ЗАКОНЫ ВРЕМЕНИ

Собеседник богов

Очевидно, бог Ветхого Завета задавал Хлебникову те же вопросы, что и Иову:

Давал ли ты когда в жизни своей приказания утру
и указывал ли заре место ее ...?

Ведь на что-то же отвечал Хлебников «Досками Судьбы» и законами времени:

Я, человечество, мне научу
Ближние солнца честь отдавать!
Ась, два, рявкая солнцам сурово.
Солнце! дай ножку!

Солнце! дай ножку.

Похоже на то, что Хлебников отзывался, среди других имен, на «Брахмо» (Brahman), ведь на вопрос Вед:

Кто его одел одеждой?

не кто-нибудь другой, а именно Хлебников ответил:

Числа! голыя вы вошли в мою душу

и я вас одел одеждою земных чувств и памяти.

На той же странице тетради «Мой Коран» он записал: «счет чисел, счет времени – вот очи бога. Это сильнее Корана».

Коран уже раз написан словами.

Его надо написать числом.

Вера в сверхмеру – бога

сменится мерой как сверхверой.

«Война в мышеловке»

Глубокое потрясение от гибели множества людей в японской войне (Мукден и Цусима) сочеталось с переживанием близости смерти на улице Казани, и потребность *ответить* стала долгом *найти оправдание смертям*: «...стыдливо надевая одежды после купания в ручье смерти, – дал клятву я, последнее, что я мог сделать с детским гробиком вместо сердца, когда-то умевшего биться».

Но как ответить на вызов смерти, вызов, разрушивший чувство оправданности существования, смысл и счастье жизни?

Люди делали счет времени военной кровью, мечом. Отсюда войны прекратятся тогда, когда люди научатся делать счет времени чернилами.

Война обратила вселенную в чернильницу с кровью и хотела в ней утопить жалкого, смешного писателя. А писатель хочет войну утопить в своей чернильнице, самую войну. Вер спор – звук воль.

Кто победит?

В 1905 году Хлебников дал обет найти законы времени, чтобы утопить в чернильнице войну-смерть. Через 16 лет ($16=2^4$), в 1921 году, обещание исполнено.

Это были две Троицы: зеленая лесная Троица 1905 года на белоснежных вершинах Урала, где в окладе снежной парчи вещице и тихие смотрят глаза на весь мир, темные

глаза облаков и полный ужаса воздух неся оттуда, а глаза богов сияли сверху в лучах серебряных ресниц серебряным видением.

И Троица 1921 года в Халхале (северная Персия), на родине раннего удалого дела Разина. За Пермью, у крайней северной точки веток Волги, на переломе Волги и текущих к северу рек Сибири, прошла первая Троица, у каменного зеркала гор, откуда прочь с гор с обратной стороны бегут реки в море, любимое с севера Волгой, там прошла вторая Троица поворотного 1921 года.

В мистерии «Скуфья Скифа» Хлебников побеждает своего личного врага: на берегу пустынного моря учреждены сражения шахматных компьютеров.

Я стал думать про власть чисел земного шара. Еще уравнение вздохов, потом уравнение смерти. И всё.

На этом государстве не будет алой крови, а только голубая кровь неба. [...]

Я расскажу, чем заменили мы войну. Железные рабы на шахматной доске во много верст, друг друга разрушают по правилам игры, и победитель в состязании уносит право победителя его пославшему народу. [...]

Каменные рабы, стоя на шахматном чертеже, охватывавшем часть моря и суши, разрушали друг друга, руководимые беспроволокой, оснащенные башнями вращающихся пушек, огненной горечью, подземными и надземными жалами. Это были большие сложные рабы, требовавшие и количественного и качественного творчества, выше колоколен, крайне дорогие, с сложными цветками голов.

Невидимые удары на проволоке воли полководцев руководили действиями, наконец железного от почек до мозга, воина. Их было 32, которые не имели права встать на чужую клетку, не разрушив всеми силами стоявшего на ней противника. Их было 32 выше колоколен каменных рабов. Надев на локоть щит земного шара, можно было спастись от ударов.

В начале чеченской войны Кирсан Илюмжинов (1962, дробь Хлебникова: рождение через 77 лет) не дал согласия военному министру Павлу Грачеву на строительство военной авиабазы: «Калмыкии нужен национальный парк, а не авиабаза». Он позже построил в устье Волги шахматный городок для международных соревнований.

Музыка сфер

Известную мысль Лейбница «Музыка есть тайное упражнение в арифметике ведущей счет, но не сознающей этого души» Хлебников вывернул наизнанку: он явно ведет счет, но окружающие не осознают, что его душа слушает музыку сфер.

Записи Хлебникова содержат указания на богатейший спектр циклических чисел, вовлеченных в его уравнения.

И звезды это числа,
И судьбы это числа,
И смерти это числа,
И нравы это числа.
Счет бога, измерение бога
Мы, богомеры, написали
На знамени.

Законы времени Хлебников поясняет примером Волги.

Судьба Волги дает уроки судьбознанию.

День измерения русла Волги стал днем ее покорения, завоевания силой паруса и весла, сдачи Волги человеку. Промеры судьбы и изучение ее опасных мест должно сделать судьбоплавание настолько же легким и спокойным делом, насколько плавание по Волге стало легким и безопасным ремеслом после того, как сотни буянов алыми и зелеными огнями отметили опасные места, камни, отмели и перекаты речного дна. Так же можно изучать трещины и сдвиги во времени. Подобные же промеры можно делать и для потока времени, строя законы завтрашнего дня, изучая русло будущих времен, исходя из уроков прошлых столетий и вооружая по способу судьбомерия разум новыми умственными очами в даль грядущих событий.

Весной 1919, составляя предисловие к собранию творений (которое не состоялось), Хлебников писал:

Законы времени, обещание найти которые было написано мною на березе [...] при известии о Цусиме, собирались 10 лет.

Блестящим успехом было предсказание, сделанное на несколько лет раньше, о крушении государства в 1917 году.

Предсказание напечатано в первой увидевшей свет книге Хлебникова «Учитель и Ученик» (1912), которая начала ряд работ, ведущих к законам времени и «Доскам Судьбы».

Ученик. Я не смотрел на жизнь отдельных людей; но я хотел издали, как грядущим облакам, как дальний хребет, увидеть весь человеческий род и узнать, свойственны ли волнам его жизни мера, порядок и стройность. [...]

Я искал правила, которому подчинялись народные судьбы. И вот я утверждаю, что года между началами государств кратны 413.

Что 1383 года отделяют паденья государств, гибель свобод.

Что 951 год разделяет великие походы, отраженные неприятелем. Это главные черты моей повести. [...]

Это еще не все. Я вообще нашел, что время z отделяет подобные события, причем $z = (365 + 48y)x$, где y может иметь положительные и отрицательные значения. [...]

Половцы завоевали русскую степь в 1093 году через 1383 года после падения Самниума в 290 году.

Но в 534 году было покорено царство Вандалов; не следует ли ждать в 1917 году падения государства?

Число Апокалипсиса

Хлебников упоминает мистическое число Апокалипсиса 666. («Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» – Откр. 13, 18.) Различные имена Антихриста, греческими буквами, имеют численный эквивалент 666. Сумма его цифр ($6 + 6 + 6 = 18$; $1 + 8 = 9$) дает число 9. Ему недостает единицы до замечательного числа 10, поэтому 9 – символ человека в невозрожденном состоянии.

В наши дни Дм. Ник. Трифонов нашел формулы для выражения: 1) отношения окружности к диаметру π через число $A = 666$; 2) отношения золотого сечения Φ через A ; 3) числа тонкой структуры α через A . Далее, он показал, что число A равно сумме квадратов первых семи простых чисел, а также равно сумме 1-го, 10-го и 15-го чисел Фибоначчи.

Хлебников же, что характерно, указывает циклический смысл «666»: его квадрат близок к числу дней жизни великих империй – Западной и Восточной Римской империи и России (1229, 1125, 1129 лет):

Число 666 потому владело умами, что оно есть ϕu : $\phi u = \sqrt[3]{M}$, где M число дней в жизни Рима.

Но 666^2 дней близко к величине, которую Константин Леонтьев в середине прошлого века, до «Заката Европы», назвал сроком жизни великих империй, 12 векам. (Дело идет о

семи циклах парадов планет; цикл составляет 179 либо 139 лет, и этот период может быть от 973 до 1253 лет.)

Формула Хлебникова дала основу стихотворению:

Рим, неси на челе, зверь священный
Родимое пятно [многих] отцов числами узора
Свое 666.
Ты извлек из длинной жизни
Долгого чета дней
Корень площади
И царственной подал лапой
[Человечеству]
Число 666. Зверь непостижимый
А три да три в степени три да три
– шесть в степени шесть –
делит падение царей в России и Франции
изнеженных царей упадка.
Так озаренный величием рока
И веленья своего двукратным заревом
Рим извлекал корень площади
Из своего бытия

25 марта [1921] года.

Для Верослава время есть сборник законов.

Мысленный взор возносит Хлебникова на высоты, где нет времени, а прошлое, будущее, настоящее видятся как куски пространства. Эта высота, очевидно, расположена по ту сторону добра и зла: гибель воспринимается не как зло, но как закономерное окончание цикла.

В связи с интересом Хлебникова к циклическим числам, у него агентами циклических превращений часто выступают персонажи со стойкими негативными ассоциациями: 666, Антихрист, Масих-аль-Деджал, или просто: Чортик.

Но Хлебников, по контрасту с его футуристическим окружением, не имеет намерения эпатировать публику. Ведь конец одного цикла начинается новый:

Как гусеница думает о поре, когда она станет крылатой бабочкой и готовится к этому, так в глубине верований всех народов таилось учение о грядущем преображении человечества,

– рядом с чем он упоминает «фрашо керети = мир будущего».

Последний День (Фрашо-кэрэти = Чудо-делание) несовершенного мира и эры *Смешения* (добра и зла) возвестит *Спаситель* (Астват-Эрети), тогда мир авестийских последователей Зороастра перейдет в эпоху *Разделения* (отделения от зла), где восстановлен исходный совершенный мир:

Люди выйдут из каменных гробов

Когда пророк принесет им фрашокерети

Или то древнее учение, известное под именем Зенд Авесты.

Структура законов времени

Где найти ключ к законам времени и «Доскам Судьбы»? Ведь Хлебников привычно пропускает ряд звеньев логического дискурса и последовательно уничтожает указания на контексты осмысления.

Исключением является одна ранняя, вполне академическая статья в области естественной истории «Опыт построения одного естественнонаучного понятия», где Хлебников развернуто аргументирует свою позицию.

Убеждение Хлебникова в связи пространства и времени имело истоком знакомство с математической относительностью Германа Минковского. Она выразилось в стремлении дополнить относящееся к пространству понятие *симбиоз* («бытование двух жизней в соседских, но разных протяженностях пространства, и в один и тот же промежуток времени») понятием-двойником, относящимся ко времени.

По Хлебникову, симметричная ситуация такова: «отношения между двумя жизнями протекают в одном месте и объединяют два соседних промежутка времени». Если для более поздней жизни из этих отношений вытекает выгода, то налицо явление *метабиоза*.

При симбиозе времена t двух жизней тождественны, а места l различны. При метабиозе времена различны, а место одно и то же. Хлебников поясняет симметрию понятий-двойников табличкой (где « $\Rightarrow$ » означает тождество, а « $\times$ » отсутствие тождества):

	=	$\times$
симбиоз	t	l
метабиоз	l	t

Оформляя идею живого вещества и учение о биосфере, В.И. Вернадский пришел к заключению, что симбиоз в широком смысле (как он и определен Хлебниковым) является пространством биосферы. Он безрезультатно искал представление о времени биосферы.

Метабиоз (μεταβίος = вслед за + жизнь) можно трактовать как время биосферы, в том смысле, что поколения живого вещества, связанные отношениями метабиоза, создают структурную организованность биосферы. Что важно подчеркнуть, ибо биосфера – это геокосмическое образование, которое не только пронизано жизнью, но и структурно ею организовано.

Статья о метабиозе указывает на наличие у Хлебникова порождающей матрицы; условно назовем ее *принципом метабиоза*. Среди главных последствий принципа: двойственность пространства и времени; особое внимание к феномену времени; мнимая единица как сквозной персонаж; парные образы – почти зеркальные близнецы, отражение со сдвигом; двойной смысл слова; постоянные сдвиги точек зрения как основа метаморфоза, и тому подобное.

Вернемся к законам времени и объединим две таблички из «Досок Судьбы», где Хлебников сопоставляет уравнения пространства n^2 или n^3 и уравнения времени 2^n или 3^n , восклицая «Можно ли назвать время поставленным на затылок пространством?»

	в основании	в показателе степени
сковывающая 2 или 3	t	l
бесконечный рост числа (числовая воля)	l	t

Мы видим, что табличка уравнений времени и пространства тождественна табличке метабиоза и симбиоза. Иными словами, структура законов времени основана на принципе метабиоза.

«Художник числа»

Чистые законы времени строятся на степенях двойки и тройки, первых четном и нечетном числах:

Мой основной закон времени: во времени происходит отрицательный сдвиг через 3^n дней и положительный через 2^n дней; события, дух времени становится обратным

через 3^n дней и усиливает свои числа через 2^n дней; между 22 декабря 1905 московским восстанием, и 13 марта 1917 прошло 2^{12} дней; между завоеванием Сибири 1581 г. и отпором России 1905 25 февраля при Мукдене прошло $3^{10} + 3^{10}$ дней.

Когда будущее становится благодаря этим выкладкам прозрачным, теряется чувство времени, кажется, что стоишь неподвижно на палубе предвидения будущего.

Чувство времени исчезает и оно походит на поле впереди и поле сзади, становится своего рода пространством.

Малые степени тройки ($x = 3^m + 3^n$) относятся к жизни отдельных людей, управляя возмездием, или сдвигами в строении общества:

Самодержец Николай Романов был 16.VII.1918 г. расстрелян через $3^7 + 3^7$ после роспуска Думы 22.VII.1906 г. [...]

Правительство Милюкова – Керенского 10.III.1917 г. возникло за 3^5 до правительства Ленина – Троцкого – 10.XI.1917 г.

Противоположные события, связанные интервалом *три в пятой* дней, можно извлекать из потока текущих событий. Например:

Е.М. Примаков утвержден в должности премьер-министра 11 сентября 1998; отстранен от должности указом президента 12 мая 1999, через $3^5 = 243$ дня.

Отправляясь от октября 1917 г., Хлебников строил «Взгляд на 1923-ий год», предсказание ударов расширения и ослабления советской власти. Кинорежиссер и драматург Елена Саканян (Хлебников предсказал ее приход под именем Нелли Дезес, Б. Григорьев изобразил ее профиль на двойном портрете 1916 г. «Хлебников в будущем»), продолжая «Взгляд» на основе законов времени, построила «Паутину Времени» для своего фильма «Путешествие с Двойником» (Первые Хлебниковские игры, 1992). Вверх от узлового 1917-го идут удары расширения власти, через 2^n дней: годы 1921, 1923, 1929, 1939 и неожиданный рецидив советской власти – 2007 год. Вниз от 1917-го – удары ослабления власти, через 3^n дней: 1929 (двойной смысл года), 1941, 1953, 1962 (Карибский кризис), 1989 и конец власти – 2025 год.

Хлебников утверждает универсальность законов времени (тем самым он называет некоторые темы «Досок Судьбы»):

Если существуют чистые законы времени, то они должны управлять всем, что протекает во времени, будет ли это душа Гоголя, «Евгений Онегин» Пушкина, светила солнечного мира, сдвиги земной коры и страшная смена царства змей царством людей, смена Девонского времени временем, озаменованным вмешательством человека в жизнь и строение земного шара.

Точки сопряженных событий, подобных или противоположных по смыслу, находятся не рядом во времени: они разделены глыбами времени; время ломается на куски, и к одному куску относится дело и возмездие, военное нашествие и его остановка, взятие Искера дружиной Ермака и отпор движению русских на Восток при Мукдене.

В ходе знаменитых Полтавских экспедиций 1888 – 1891 гг. по изучению русских черноземов Василий Докучаев демонстрировал справедливость «закона содружества, мировой сопомощи и любви». Его область применения – обширные зональные пространства, он долженствует дополнить «закон великого Дарвина – закон борьбы за существование», который применим к небольшому полю наблюдений. Так и Хлебников занят расширением сознания.

Художник числа приходит на смену художнику слова и там, где была борьба за существование, выживание наиболее приспособленных, враждующих кусков познания, что было содержанием и гордостью науки прошлого, появится единый кусок времени, единый закон граждан времени, обращающий недавних врагов в товарищей друг другу по единству закона времени.

Потому-то законы времени и «Доски Судьбы» стали ответом Хлебникова на вызов бессмысленных смертей – исполнением обещания «всё понять, чтобы простить всем и всё и научить их этому».

Можно долго говорить о законах времени. Здесь еще не сказано о «вечной игре для себя числа» и о многом другом, и трудно решить, от какого фрагмента отказаться. Но отрывки не делают дела: у Хлебникова *единицей ритма является целое произведение*. Пусть читатель обратится к «Доскам Судьбы».

“Доски судьбы! как письмена черных ночей вырублю вас, доски судьбы! [...] Доски судьбы! читайте, читайте прохожие! Как на тенеписи, числа борцы пройдут перед вами, снятые в разных сечениях времени, в разных плоскостях времени, и все их тела, разных возрастов сложенные вместе, дают глыбу времени между падениями царств, наводивших ужас”.

НЕБЕСНОЕ РОДОСЛОВИЕ

«Остров Хлебников»

Взглянем на родословную запись Хлебникова, извлеченную из рукописей.

Я, Хлебников 1885.

За (365+1)3 до меня Шанкарья Ачарья, творец Вед, в 788 году.

За 365.9 до меня в 1400 Аменхотеп IV.

Вот почему я велик.

Я, бегающий по дереву чисел,
делаясь то морем, то божеством,
то стеблем травы в устах мыши.

Аменхотеп IV – Евклид – Ачарья – Хлебников.

Небесное родословие Хлебникова напоминает нам об учении Оригена с его мыслью о перевоплощении души в физическое тело. Этой мысли случилось прийтись не по вкусу императору Юстиниану I, и он устроил V Вселенский Собор (533) с целью ее осудить. Не удивительно, что нынешние богословы, почитая авторитет Оригена, умалчивают о его позиции по вопросу кармы и перевоплощения.

Хлебников объяснил идею небесного родословия (аналогичную концепции *силсила*, передачи благодати, Рыцарей Чистоты) в письме к Вячеславу Иванову.

Мне иногда казалось, что если бы души великих усопших были обречены, как возможности, скитаться в этом мире, то они, утомленные ничтожеством других людей, должны были избирать как остров душу одного человека, чтобы отдохнуть и перевоплотиться в ней. Таким образом душа одного человека может казаться целым собранием великих теней. Но если остров, возвышающийся над волнами, несколько тесен, то не удивительно, если они время от времени сталкивают одного из бессмертных опять в воду. И таким образом состав великих постоянно меняется.

В парусе «Душа Сына Выдры» сверхповести «Дети Выдры» тени великих спасаются от пошлости нигилизма и позитивизма на *остров Хлебников*. (Парус, глазом зодчего, это *паруса сводов* – расписные косые грани свода, они соединяют квадрат пола с кругом потолка: в храмах Земля – квадрат встречается с Небом – кругом.)

Родословие построено на «годе богов» – интервале в 365 лет. Это число отсылает нас к космогонии Василида (II век): на некоем этапе весь мир раскрывается в проявлении 365 космических сил или небесных сфер, число которых обозначается таинственным словом «Абракас».

За трижды 365 лет до Хлебникова был Шанкара Ачарья, основатель школы Адвайта Веданта, автор Веданты («окончания Вед») и наиболее авторитетных комментариев к Упанишадям.

За «год богов», взятый шесть раз, до рождения Хлебникова была книга Евклида, своего рода свод законов для законодателей числа, о чем смотри в «Досках Судьбы».

Аменхотеп IV был великим реформатором, впервые введшим поклонение единому богу. Под именем Эхнатон этот фараон противопоставил единого солнечного бога Атона жреческому верховному богу Аммону, он порвал с традицией Мемфиса и перенес столицу к низовьям Нила, в нынешнюю Тель-Амарну. Жрецы жестоко отомстили реформатору: после его смерти они уничтожили все его начинания, объявили его еретиком и стерли с памятников его имя, что было равносильно убийству его *Ка*, астрального двойника, соответствующего *линга-шарира* системы Санкхья. Рассказу об этом трансфизическом путешествии посвящена мистерия «Ка».

В «Досках» Хлебников привел год самого раннего предшественника, но не самих законов Хаммураби. Верный год – около 1765 до н.э. – за 10.365 лет до рождения Хлебникова. Поэтому и Хаммураби входит в его родословие.

«Дробь моей души»

Елена Саканян искала для своих фильмов «Путешествие с Двойником» и «Доски Судьбы» двойников Хлебникова в наши дни. Интервал в 365 лет отсылает к 2250-му году, что не актуально. Но если жизненная задача и судьба вполне повторяется через 365 лет, то должны быть и *дробь*: «косые события, то есть такие, в которых часть признаков повторяется, а часть заменяется противоположными». В «Разговоре двух особ» Хлебников, на основе циклического числа 48, строит октаву от земного года к месяцу.

Но вот я разверну страницы другой мудрости [...]

Вспомни про семь небес учения древних. Вычитая из 365 по 48 и дойдя до 29 (вращение месяца кругом земли происходит в 29 дней), мы имеем семь чисел-небес, окружающих число месяца и заключенных внутри числа земли. Эти числа: 29, 77, 125, 173, 221, 269, 317, 365. Крайние числа суть числа года и месяца, вероятно священные. Отчего бы не летать событиям по сводам этих чисел? резвясь и порхая? подобно младенцам с крыльями и трубами для возвещения своей воли.

Играя в «Хлебниковские игры», Елена Саканян заметила, что Булат Окуджава, 1924 – дробь Пушкина, они связаны рождением через 125 лет. Взглянув на обложку «Чапаева и Пустоты», она обнаружила, что Виктор Пелевин, 1962 – дробь Хлебникова, рождение через 77 лет.

Тамга Хлебникова

В родословии не приведен 1155 год – рождение Чингис-хана, за 365.2 до 1885; между тем, Чингис-хан был не безразличен для Хлебникова. В одной записи Хлебников привел иной (неверный) год рождения Чингис-хана: «Богдан Хмельницкий родился через 365+1 после смерти Чингис-Хана. Чингис Хан 1161 родился через 365π после смерти Октавия». Еще отметим, что в декабре 1885 (через 2^б–2 дней после Хлебникова) родился Р.Ф. Унгерн фон Штернберг. Его жизненной задачей стало объединение мира под знаменем монгольской расы. *Черный барон* почитался реинкарнацией *бога войны* – Чингис-хана. Эти рождения связаны 365.2, двойным «годом богов».

В рассказе «Есир» Хлебников мимоходом замечает: «черноволосая девушка этих мест ходила с медной деньгой, вплетенной в косу. И надпись древнего хана: “Я был – мое имя высоко” – тонуло в черном шелку ее кос».

Деньга значит *тамга*. Алая яшмовая тамга Чингис-хана несет слова: «Бог на Небе. Ха-хан – Могущество Божье на Земле. Печать Владыки Человечества». Председатель Земного Шара стремился объединить мир числом, отнюдь не мечом. Ответ, поверх веков, дан *тамгою* Хлебникова, изображенной в одной из записных книжек рисунком «Круг» (который выглядит как *Крест*).

«Круг» отсылает нас к полярным координатам, связанным с изменением во времени. Их символике – св. Троица геометров: точка, угол, луч – Хлебников посвятил один интересный текст. К смыслу полярных координат Хлебников обращался довольно часто. На рисунке «Круг»:

Ось (+1) – ось того, что есть, – это ось «война», ось «рождений мертвых: 1+1=1».

Ось (– 1) – то, чего ждут, но чего нет: «любовь, брак», ось «рождений живых: 1+1=3».

Ось (+i = +√–1) – взыскуемое, но запредельное наличному – это ось «вера»: «Бог»; «Будда, Христос». Девиз этой оси: «я в степени все».

Торгующие и храм относятся друг к другу как война и любовь; четвертая ось (–i) – враждебное или постороннее, но здесь присутствующее – ось «торговля»; девиз: «все в степени я».

Трактовка осей «Круга» соответствует таковой в мистерии «Ка²» – см. выше. (Иная трактовка полярных координат дана во фрагменте «Починка мозгов» листа II «Досок Судьбы».)

«Кругу» как эмблеме Хлебникова соответствует девиз: «вся власть уравнениям через вычисления». Хлебников стремится «накормить весь земной шар хлебом одного и того же числа», ради чего он строит чистые законы времени. «Законы времени одинаковы для государства и человека, славы, памяти, божества, храма и вещи».

ИЗ КНИГИ «ИМЕНА ХЛЕБНИКОВА»

«Разум мировой»

Попробуем приблизиться к разгадке второго заветного, после Велимира, имени Хлебникова: Зангези. В качестве исходной точки возьмем судьбу Хлебникова: это Волга, река Разина. Хлебников указывает на свою сопричастность Разину в знаменитом полиндромоне:

Я Разин со знаменем Лобачевского логов.

Во головах свеча, боль; мене ман, засни заря.

Мимоходом упомянем одно из круга значений “мене ман”, из книги пророка Даниила. «И вот что начертано: мене, мене, текел, упарсин. Вот и значение слов: мене – исчислил бог царствие твое и положил конец ему...» (Дан 5, 25 – 26).

«Ман» = «Манас» – сердце, в психологическом смысле; орган познания; творческий принцип. Мысль, как ум, посредством которого она действует, есть сила или *шакти*. Корень «ман» значит «думать»; это также корень слова «Ман», которое одно во всем творении значит «мыслитель».

Хлебников, и это самое интересное и важное, таков, что отнюдь нельзя сказать: это вот – верное толкование, а все иные – нет. Напротив, очень часто верно и то, и другое, хотя бы первое не могло одновременно сосуществовать со вторым, и некоторое третье, и т.д. Так что следует говорить о порождении смысло-образом серии дискретных ликов, которые в итоге замыкают круг полного мира смысло-образа.

Истолкования Хлебникова хочется сравнить с квантовым представлением атома, опрокинувшим классическую механику с действующими причинами и открывшим для физики царство целей – конечных причин. Электрон может находиться на одном из серии предписанных энергетических уровней, иметь то или иное из разрешенных состояний. Пусть будет установлен частный энергетический уровень: но это лишь подробность, надо знать всю систему уровней. А это – то самое важное, что следует знать о каждой вещи – об электроны ли, о Хлебникове – «а не тьму унижающих их подробностей» (Елена Гуро).

Можно говорить о двух типах текстов. Часто текст допускает такой подход: текст снабжается комментариями, предисловиями, послесловиями, сопровождается критическими статьями – ради того, чтобы каждый читатель имел возможность, повторно перечитывая,

приблизиться к наперед заданной цели, прийти к единственному, *объективному* смыслу этого текста.

Такова Ньютоновская механика Гутенберговой галактики.

Но классическая механика не обнимает объяснением всего многообразия доступных нам явлений. А теория квант, принцип дополнительности, относительность и другие основы так называемого нового естествознания обесценивают представление о возможности объективной научной истины и подчеркивают тот вывод, что наблюдатель изменяет поведение наблюдаемой системы.

Так обстоит и с текстами Хлебникова: смысл рождается от встречи энергии текста с ответной энергией читателя. Смысл – результат сотворчества. Но если разные читатели обнаружат различные значения того же самого кусочка текста (и каждый может быть прав), то каков, так сказать, окончательный смысл? Быть может, полный цикл отдельных смыслов? Быть может, также вызванный импульсом текста процесс творчества?

В посмертной судьбе Хлебникова сыграли роль такого рода отклики:

...Вряд ли следует издавать стихи Велимира Хлебникова для сколько-нибудь большого круга читателей: читатели все равно ничего не поймут в них... Лишь поэты-специалисты, возможно, найдут в Хлебниковском языке, в его стихах нечто интересное и даже извлекут из этого известную пользу. Поэтому для них, для специалистов, может быть, и следует время от времени издавать Хлебникова небольшими тиражами...

Неприятие Хлебникова не решает вопроса: должны ли стихи быть понятными? Глубина Пушкина, как кажется, далеко не исчерпана; тайнопись его едва ли разгадана. Но непонятности в случаях Пушкина и Хлебникова отчасти разного свойства. Есть такой тоненький слой – мера, в которой Пушкин прочитан, сделан бытом, причислен к масс-культу и всеми *понят*, глубины же остаются для немногих.

У Хлебникова толщина такого слоя близка к нулю: «Вход не для всех», сказал Герман Гессе. Творчество Хлебникова производит четкий дифференцирующий эффект: встретившаяся с Хлебниковым читательская масса стратифицируется, раскалывается на две группы. Дело не в том, что большинству публики Хлебников не нравится, – дело в том, что это большинство, если можно так выразиться, не выработало особого органа восприятия, соответствующего непривычному способу изображения. Напротив, некоторое меньшинство отвечает на вызов Хлебникова изобретением нового типа поведения, и эта небывалая жизнь, жизнь Хлебниковских изобретателей, дает основу художественного понимания, сострадания и сотворчества.

Об этом дифференцирующем эффекте Хлебников прямо говорил, указав, что «веселые рычаги» – в коробке черепа: «мы сделались пахарями мозгов. Мозгопашцами». Этот путь ни для кого не закрыт. Наше понимание, наш разум возможны потому, что мы окружены пониманием, – как ночью мы окружены тьмой, – сквозь нас течет вселенский разум.

Я верю: разум мировой
Земного много шире мозга
И через невод человека и камней
Единою течет рекой,
Единою проходит Волгой.

«Ра – видящий очи свои»

Волга дает гео-биографию Хлебникова, родившегося у ее устья – «Принадлежу к месту Встречи Волги и Каспия-моря (Сигай)» – и умершего у ее истока, где в 1879 г. начинал натуралистические изыскания его отец:

На гордом уструге нет-единицы плыть по душе Разина по широким волнам, будто по широкой реке, среди ветел и вязов править челн поперек волне, поперек течению, избрав Волгой его судьбу, точно орел жестким клювом оконченную плахой, но дав жизни другое течение, обратное относительно звезд над нею, перерезая время наперекор ему от калмыцких степей к Жигулям, плывя через шумящий поток его Я. И скрягой считать прозрачные деньги волн, плеск волн, когда призрачный уструг нет-единицы тихо плывет по реке Разина поперек естественного течения природы времени, его Я, среди черных волн Жигулей, от низовьев простой головы, в своей думе лежащей на секире, под расстрелом глаз вдруг задумчивых толп, до истоков жизни молодого донца в Соловках, перерезавшего поперек всю Россию, чтобы подслушать северные речи, увидеть очи северного бога, бога севера, или на Днепре, где стоя над омутом, языческой удалью глаз весело выкликал из голубой волны русалок, прижимавших к водяным кудрям столько громких имен, украшавших древние летописи.

Не даром хохочут холмы: «Сарынь на кичку!», и оси, корни из мнимой «нет» из единицы русалок притягиваются к «да» единицам.

Не даром Волга каждую ночь надевает разбойничий платок буйной разинской песни и, голубая красавица, смотрит, как заря зажигает кумачевой раннею спичкой сумрак лесов.

От кончины плыть к молодости.

В устье Волги, где «холм живой», цветет лотос. Древнее имя Волги – Ра.

На сухом измятом лепестке лотоса я написал голову Аменофиса: лотос из устья Волги или Ра.

Из лотоса на холме выходит египетский бог солнца Ра.

В «З и его околице», из звездной азбуки, читаем:

Допустим, что З значит равенство угла падающего луча углу отраженного луча $AOB = COD$.

Тогда с З должны быть начаты: 1) все виды зеркал; 2) все виды отраженного луча.

Виды зеркал: зеркало, зрение.

Имена глаза, построения из зеркал: зень, зрачок, зрак, зины, зирки; зреть, зетить, зор, зеница, зорливец; зенки – глаза; зорок.

Имена мировых зеркал: земля, звезды, зирь (звезды), зень (земля). Древнее восклицание «зирин» может быть значило «к звездам». И земля, и звезды светятся отраженным светом.

Это дает Хлебниковское «Ра – видящий очи свои...», Разин = Волга глаз.

Ра+зин еще не дал ответа; так будем искать созвучья Зангези.

«Зенгес», как сообщил Степан Ботиев, значит «вести» («занге» по-калмыцки – весть; «занг» – характер, а в другом звучании – колодезный журавль; «занген» – направление).

Иными словами, «Зангези» – Ангел, Вестник по-гречески (хотя самое начало «Зангези» указывает на популярного тогда демонического Заратустру Ницше). Так и Даниил Андреев в «Розе Мира» называет Вестником самого Хлебникова.

«Зангезур», как пояснила Елена Саканян, значит «напрасный звон». Ударили в колокол о приходе врага; звон рвался ввысь, отражаясь о скалы; отразился раз, другой и вернулся вниз; зов не услышан.

Напротив, «Зангези» звон, что отразился и вырвался в небо, чтобы отразиться от звезд («зи» – звезды глаз, «зи» – глаза звезд).

Хлебникову известно о реке *Занга*, по книге Хачатура Абовяна «Раны Армении» (1840). Она, река эта, громким голосом кричит:

С Волгою, старшей сестрой моей, я и сестра моя Ерасх сольемся среди волн Каспия.

Смешаем в лоне единой матери: она – свою доброту, я – свое неистовство.

Возлюбленной сестре своей Волге отнесу я и передам благопожелание родного

Севана, отеческий привет святого Масиса – и вам принесу ее привет с радостной вестью.

Занга (Раздан) – единственная река, что берет начало в озере Севан, куда впадает 40 рек. Она проходит через Ереван, впадает в Ерасх (Аракс), их воды текут в Каспий. Масис это Арарат.

Это дает решение: Занга – сестра Волги-Ра; Зангези – звездный брат Разина.

Люди встречают Зангези приветствием: «Чангара Зангези пришел!»

«Чангара» это «Чакраварти» – Повелитель Вселенной, то есть, Велимир – духовный вождь Земного Шара.

Здесь также слышится обращение «джан» – душа моя, но и «Джангар».

Еще Гоголь писал, что калмык скачет неделю, не слезая с жеребца, а потом «дня по три сряду слушает предания о подвигах сказочных героев. Более всех других нравится баснословная повесть Джангар».

В драгоценное изначальное время, когда были подавлены все враги Бумбы, Джангар и его богатыри заскучали. Тогда, неизвестно откуда, появилась женщина, но еще не жена, и была она великой красоты. Она вошла в кибитку, где восседали семь богатырских кругов, и запела о подвигах Джангара и его богатырей, о Бумбе, стране бессмертия. От теплоты ее голоса рассеялась скука, как туман под лучами солнца. Богатыри, слушая ее, становились снова веселыми и жизнерадостными, и Джангар приказал им заучить эту песнь.

«Та Земля, если взглянуть на нее сверху...»

Сверхповесть или заповесть складывается из самостоятельных отрывков, каждый со своим особым богом, особой верой и особым уставом. На Московский вопрос: како веруеши? каждый отвечает независимо от соседа. Им предоставлена свобода вероисповеданий [...]

Глыбой художнику служит не слово, а рассказ первого порядка – писал Хлебников во введении к «Зангези», сверхповести из 20 глав – «плоскостей».

Но почему у «Зангези» 20 плоскостей? – спросит пытливый читатель. – Случайно ли так? почему не 16, 18, 19 или, скажем, 21?

По Хлебникову, Земля – зеркало. Сам Хлебников, взятый под знаком его метода, выступает как некоторое динамическое зеркало, обладающее собственной структурой. Один его лик, Зангези, – это космический глаз, планетарное зеркало.

Планету Земля естественно уподобить Платонову телу. Впрочем, это было сделано, и не однажды. Так, в 1970-е Н. Гончаров, В. Макаров, В. Морозов описали додекаэдр-икасаэдрический *силовой каркас* Земли – «молнии земного шара»:

– Итак, друг, рассказывают прежде всего, что та Земля, если взглянуть на нее сверху, похожа на мяч, сшитый из 12 кусков кожи и пестро раскрашенный разными цветами.

О том, что Земля имеет форму шара, учили Пифагорейцы. По Пифагору, существует 5 телесных фигур: высшее божество само построило Вселенную на основании геометрической формы додекаэдра. Земля подобна Вселенной, и у Платона Земля – тоже додекаэдр.

Пифагорец Гиппас первый разгласил эту тайну и начертил шар из 12 пятиугольников: додекаэдр имеет 12 граней пятиугольников, 30 ребер, 20 вершин.

В 1596 году Кеплер предложил правило, по которому вокруг сферы Земли описывается додекаэдр, а в нее вписывается икосаэдр. Икосаэдр имеет 20 граней треугольников, 30 ребер, 12 вершин.

Иными словами, Хлебников, выдвинув 20-гранную структуру Земли–Зангези, ведет диалог с Пифагорейцами. Частное возражение подразумевает фундаментальное согласие: *единицей ритма является произведение как целое* – и у Хлебникова, и у Пифагорейцев.

Из-за пятеричной симметрии (додекаэдра и икосаэдра) Земля не попадает в разряд правильных кристаллов. Зато по этой же причине ее структура оказывается связанной с жизнью.

Икосаэдр, как и додекаэдр, имеет шесть пятерных осей: симметрия типа $6L_5$. (Сфера имеет симметрию типа ∞L_∞ .) Симметрия с осями L_5 характерна для живых структур, но не для кристаллов. Формальную структуру генетического кода А.Г. Волохонский описал на основе именно икосаэдральной модели. Вирусы, состоящие из РНК и белка, представляют собой правильные икосаэдры. Можно вспомнить о L_5 симметрии розы, морской звезды, кисти руки и т.п.

Свойства структуры икосаэдра и додекаэдра – это свойства живых существ, а не кристаллов. Эта структура не связана с энергетическим минимумом (она не допускает плотной упаковки, скажем, одинаковых сфер – как это возможно в случае структур куба, тетраэдра, октаэдра); эта структура неустойчива: она потребляет энергию для своего поддержания. В отличие от повторов идентичных структурных единиц при росте кристаллов, рост икосаэдра сопровождается как изменением размеров, так и обособлением дочерних структурных единиц от материнских – это прообраз деления клеток, процессов роста и развития. Свойства L_5 симметрии позволяют рассматривать живые организмы и вообще структуры, связанные с жизнью, как икосаэдры или додекаэдры с деформированной первоначальной симметрией:

Мы не можем не отметить здесь тот в высшей степени замечательный факт, что среди представителей живой природы, пожалуй, чаще всего встречаются как раз

простейшие из невозможных для затвердевшего, окристаллизованного «мертвого» вещества виды симметрии (пятерная симметрия).

Рассмотрим соответствие икосаэдра биномиальному распределению в одной из строк треугольника Паскаля. Каждая строка дает набор элементов $(n-1)$ -мерного симплекса. Так, 2-я строка соответствует одномерному симплексу, то есть отрезку: 1 центр, 2 вершины, 1 ребро. Затем идут: треугольник, тетраэдр, четырехмерный симплекс. Симплексу 5-мерного пространства соответствует 6-я строка треугольника Паскаля: 1 центр, 6 + 6 вершин, 15 + 15 ребер, 20 граней, 15 трехмерных, 6 четырехмерных и 1 пятимерная грань.

Структура генетического кода основана на этой же строке. Генетический код построен триплетами из четырех оснований. Таких комбинаций возможно $4^3 = 64$. Они дают 20 различающихся работающих аминокислот.

0	2^0							1						
1	2^1						1		1					
2	2^2					1		2		1				
3	2^3				1		3		3		1			
4	2^4			1		4		6		4		1		
5	2^5		1		5		10		10		5		1	
6	$2^6 = 64$	1		6		15		20		15		6		1

Икосаэдр таким образом является проекцией симплекса 5-мерного пространства в наше пространство трех измерений. Но если живые организмы суть деформированные икосаэдры, то отсюда следует соображение о происхождении жизни на Земле в результате проекций элементов некоего мира пяти измерений в наше трехмерное пространство.

С позиций изучения симметрии, учитывая представление о додекаэдро-икосаэдрическом силовом каркасе Земли как планеты, следует признать, что в этом смысле Земля является живым существом. С душой (которую П. А. Флоренский назвал «пневматосфера») со свободой воли и разумом:

Сион братьев – Земля–мозг!

Зангези = Земля-зеркало с 20 гранями. Зангези поэтому не подходит никакое другое число, ни 19 – число Баба, ни 18 – число Кришны, ни иное. А только 20 – число Земли, число генетического кода.

– Когович? – спросят тебя. Им ответишь: – Я соя небес!

ТВОРЧЕСТВО КАК ОПРАВДАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Тема творческого призвания человека однажды была поставлена как тема оправдания человека творчеством. Для уяснения этой мысли необходимо иметь в виду, что «творчество человека не есть требование человека и право его, а есть требование Бога от человека и обязанность человека. Бог ждет от человека творческого акта как ответа человека на творческий акт Бога».

Хлебников включил инстинкт творчества в определение долженствования человека и настаивал на безотносительности этого долженствования к какой-либо группе или институции, переключаясь и с Пушкиным («Ты царь: живи один. Дорогою свободной Иди, куда влечет тебя свободный ум ...»), и со Сковородой («Всякая секта пахнет собственностью, а где собственномудрие, тут нет главной цели или главной мудрости. ... Любовь к ближнему не имеет никакой секты...»).

Хлебниковскую формулу долженствования человека мы извлекаем из рукописей:

Каждый человек в своей жизни должен найти свое созвучие себя, и всего (целого).

Для этого давали роли, именно: бог, судьба, природа, человечество, отчизна, общество, – но ясно, что это разные понимания одного и того же.

Мы знаем, что вдохновение есть постоянный ток от всего ко мне, а творчество есть обратный ток от меня ко всему, и потому относимся подозрительно ко всяким чужим этого общения, ко всем, как союзы, государства.

«ДОРОГА ЧАДА МИЛАГО»: ВОЛГА ЗАМЫКАЕТ СУДЬБУ ИСПОЛНИВШЕГО ОБЕТ

В последние месяцы жизни Хлебников подготовил к печати итоговые вещи, двойники «Зангези» и «Доски Судьбы».

Книга заканчивалась самоубийством Зангези: «Бритва, на! мое горло». В корректуре Хлебников дописал: «*Зангези* (входя): Зангези жив. Это была неумная шутка». На последней странице обложки – объявление: «Печатаются и вскоре выйдут ДОСКИ СУДЬБЫ...»

Законы времени и Звездная азбука (*Ка* значит преграду движению, *Эль* распределение по плоскости) отменяют старое калмыцкое гадание по бараньей лопатке:

Зачем мне летопись? Дневники свобод.

Лучше вытру доску для письмен

И поставлю *Ка* и *Эль*.

Довольно, не надо! зачем свободу на лопатке.

И Эль безмерное в движеньи

И Ка искусное в сраженьи

И пусть моряк из Вера-Круза

Разскажет: так в бою Ка и Эль дерутся.

В письмах 1921–22 повторяется тема: «Когда молчит печатный станок, я умер»; «В числах я зело искусил себя. И готов построить весну чисел, если бы работал печатный станок»; «Книга уже готова и написана языком уравнений. Это полотно, где одна только краска – число»; «Моя книга – мое главное дело, но она застряла на первом листе и дальше не двигается». Наконец, «Я надеюсь отпечатать закон времени и тогда буду *свободен*».

В «Синих Оковах» (Елена Саканян нашла в названии поэмы смысл: «Небесные Законы») Хлебников упоминает о будущей книге:

Я кое-как проковыляю

Пору пустынную,

Пока не соберутся люди и светила

В общую гостиную.

В мистерии «Лев» (ок. 1915) *Ка*, египетский двойник души, вручил Хлебникову нить Тезея и провел по лабиринту жизни к месту его будущей смерти, северному морю.

Ка положил мне руку на плечо и сказал: “Возьми часы и измерь во времени свои вздохи и эту слабость другой жизни. Помни об осужденных умереть на заре и держи нить”. [...]

Одной рукой он держал меня за плечо – почти пригнув меня к полу, другой показал на окровавленного Ка Тезея. Тот вошел шумной походкой. [...]

Ветер пробежал. Стало темно. Я поднял руку, в ней лежала нить, уходящая за двери. Мы взошли по семи ступеням к колодцу башни и оттуда смотрели на звездное небо, и увидели степь и ее красные и белые пески. [...]

Я до боли стиснул нить и вспоминал ...где и когда?

– Идем, – сурово заметил Ка.

Он привел меня к другому морю. Это не то море, у которого я родился, целый материк суши лежал между нами. Я подошел, и водопад чисел падал сквозь меня от моря родного к этому.

Я разделся, и когда волны, вдруг угрожая и пенясь, с шумом и гамом пошли на меня, я вспомнил одну улицу Казани, узкую, белую от солнца, палящего ноги коннице, несущейся на нас.

Он остался на месте. И вдруг остановилась на месте и закипевшая телом большого морского чудовища, с злыми глазами толпа коней, почти наступившая мне на ноги.

Я остался цел, меня не тронул никто, хотя я не тронулся с места.

Ка заранее показал Хлебникову его *где*, у истоков Волги. *Когда* – станет известно по исполнению обета.

«Люди моей задачи часто умирают 37-ми лет, мне уже 37 лет», – заметил Хлебников.

Весной 1922 Хлебников поехал к Митуричам в Санталово Новгородской губ., к истоку Волги. Вскоре по приезде он тяжело заболел и, проболев месяц, умер 28 июня 1922 года.

«В жизни каждого явления есть свой полдень полный сил», писал Хлебников в «Досках Судьбы». В своей жизни он особенно отметил одну дату:

20 декабря 1915 был избран королем времени.

Это была шутка («31 декабря 1915 Осип Брик провозгласил тост за короля времени В.Хлебникова»). Но Хлебников принял ее всерьез, и других заставил поверить. В уравнении своей жизни он отметил: «Выбран председателем Земного Шара на $3^8 + 3^8 - 3^7 - 48$, 20.XII.1915, от рождения», и постановил

Считать первым днем новой Кальпы 25 декабря нового стиля 1915 года.

В 1986 году, через год после столетия Хлебникова, скульптор В. Клыков поставил памятник – мальчик-король со свитком-свирелью – на месте его захоронения, у истока Волги, через 64 года ($64 = 4^3$) после смерти.

25 декабря 1992 года скульптор С. Ботиев поставил памятник – вдохновенный дервиш, поэт-странник – в Малых Дербетах, рядом с местом его рождения, у устья Волги – через 77 лет ($77 = 365 - 48.6$) после «полдня полного сил», когда Хлебников был назван Королем Времени.

Два памятника обозначили *Дорогу чада милаго*. – Это заглавие списка странствий, от устья до истока, от Астрахани до Санталово; последняя запись: *Свобода*. – Так Волга своим руслом замкнула круг жизни Хлебникова.

«Когда судьбы выходят из береговых размеров, как часто заключительный знак ставят силы природы».

(Очерк напечатан в журнале *Человек*, № 6, 2000 и № 1, 2001)